

потребности и представляют собой условия для решения определенных коммуникативных задач.

В этой связи Х. Лангнер справедливо подчеркивает дифференцированные отношения между определенными социальными классами и слоями, с одной стороны, и определенными пластами языка — с другой, «однако, если анализировать, исходя из взаимосвязи общественного и языкового развития, эти отношения носят принципиально иной характер, нежели в капиталистическом государстве». Поскольку язык в целом непосредственно не отражает изменения в обществе, то и отношения между «социальными слоями и пластами языка перестраиваются лишь постепенно». В этом процессе не может быть резких скачков, он протекает на наших глазах, и сегодня еще нельзя предвидеть всех деталей подобного развития, но определенные принципиальные тенденции могут быть названы с достаточной уверенностью. «Наиболее явное выражение политико-экономические перемены получают в структуре форм проявления языка» [14, с. 110—111], т. е. в статусе и взаимоотношениях литературного языка, обиходно-разговорных форм речи и диалектов. Так, относительно роли диалектов в современной структуре речи И. Шильдт писал: «В принципе судьба диалекта в качестве самостоятельной формы существования языка, если иметь в виду отдаленную перспективу, предreshена». И хотя в настоящее время диалекты еще продолжают использоваться, пусть и ограниченно, в определенных ситуациях общения, однако для тенденции их развития характерен спад, свертывание процесса [15, с. 199]. В целом же тенденцию к ограничению функций диалекта определяют расширение социальной базы литературного языка и функциональное развитие обиходно-разговорных форм речи, что происходит под влиянием таких факторов, как повышение культурного уровня населения и сближение социальных классов и слоев общества, развитие социалистического производства на селе и связанные с этим изменения в социальной структуре сельского населения, а также процессы выравнивания различий между городом и деревней [16, с. 122]. Во всяком случае, если диалект мы и продолжаем слышать, прежде всего в сельской местности, то его употребление вовсе не представляет собой «суррогата взамен неусвоенного литературного языка» [15, с. 199].

Конечно, не следует полагать, что ограничение функций диалекта происходит прямолинейно за счет расширения использования литературного языка. В значительной степени утрачиваемые функции диалекта оказываются подхваченными различными обиходно-разговорными формами языка. Х. Лангнер показывает это изменяющееся положение диалекта на примере его соотношения с этой формой языка в районе Виттенберга. Диалект здесь лишь в редких случаях выступает как средство коммуникации. Он оказывается недостаточным в общении не только со всеми жителями деревни, но иногда и со всеми членами одной семьи; в этом районе, подчеркивает Х. Лангнер, больше нет людей, которые бы говорили только на диалекте, и этот факт с самого начала исключает возможность отождествления крестьян и носителей диалекта, хотя этим не отрицается то общее положение, что большинство носителей диалекта относятся еще пока к сельским жителям. Употребление и значение диалекта зависят от различных факторов (возраст, профессия, образование, отношение к диалекту), среди которых возраст более не играет столь важную роль, как это было раньше. Правда, старшее поколение (возраст свыше 65 лет) пользуется диалектом чаще, чем среднее (свыше 40 лет), употребляя его и во время работы, что не характерно для среднего поколения. В целом здесь можно установить три группы жителей по их отношению к диалекту. Самую маленькую группу образуют люди, которые видят в диалекте свой «родной язык» (Muttersprache). Но и они пользуются им лишь изредка и отдают себе отчет в том, что диалект вытесняется,